

Павлин, услышав звук телевизора, поднял веки и мельком взглянул на экран, тихо фыркнул, а затем перевел взгляд на окно. Увидев, что на улице уже стемнело, он встал и направился в ванную. Летом вблизи экватора, если только температура не снизилась к вечеру, принимать душ днем было бесполезно, так как, едва выйдя из ванной, можно было снова покрыться потом.

Когда Павлин вошел в ванную, Шэнь Чэн достал телефон, вставил карту, которую Чжао Хэн передал ему в обед, и начал просматривать информацию.

Когда Павлин вышел из ванной, Шэнь Чэн сидел на краю кровати с мрачным выражением лица, листая телефон. В его глазах читались неподдельные презрение и ненависть, а сам он напоминал вынутый из ножен меч — мрачный, холодный и наполненный убийственной аурой. Такого Шэнь Чэна Павлин не знал, но это не вызвало у него особого удивления или любопытства. Он прекрасно понимал, что такой человек, как Шэнь Чэн, не может быть однозначным. Он привык к тому Шэнь Чэну, который всегда был немного наглым и легкомысленным, но не стал отвергать и этого, наполненного яростью.

Павлин взял телефон и направился на балкон, чтобы позвонить, оставив Шэнь Чэну пространство для себя.

Павлин позвонил Сы Ханю, чтобы доложить о работе, но не ожидал, что его «невестка», доктор Цинь Сяочуань, тоже будет рядом. Они только что вернулись с благотворительного мероприятия в Шанхае и сейчас наслаждались ночной прогулкой по реке Хуанпу. Цинь Сяочуань попросил Павлина включить видеосвязь, чтобы показать своему деверю, долгое время находившемуся в джунглях, великолепие большого города. Павлин мог игнорировать весь мир, но не своего брата и его жену. Поэтому обычный рабочий отчет превратился в виртуальное путешествие. Цинь Сяочуань, направляя камеру на красоты по берегам реки, выступал в роли гида, и в результате разговор затянулся на более чем час.

Когда Павлин вернулся в комнату после звонка, Шэнь Чэн уже пошел в ванную. Телефон был небрежно брошен на прикроватный столик, а телевизор все еще работал, но программа сменилась на исторический фильм о Второй мировой войне.

Павлин выключил свою прикроватную лампу, натянул тонкое одеяло и лег в кровать. В свободное от заданий время он привык рано ложиться спать.

Когда Шэнь Чэн вышел из ванной, он увидел, что Павлин уже спит. Телевизор и его прикроватная лампа все еще горели, видимо, оставленные для него. Шэнь Чэн не хотел спать, но и смотреть телевизор тоже не было настроения. Он выключил телевизор и лампу, прислонился к изголовью кровати и погрузился в размышления.

Несколько знакомых имен в материалах, которые передал Чжао Хэн, пронзили его глаза и заставили кровь закипеть. В тот момент сердце будто пронзил ледяной ветер с гор Куньлунь. В голове пронеслись образы: командир, бросающийся на бандита, чтобы защитить его, грохот взрыва в ущелье, удушающая лавина. Это были воспоминания, глубоко засевшие в памяти Шэнь Чэна, и одновременно его движущая сила. Все эти годы он с непоколебимой решимостью защищал величественные горы Куньлунь, раз за разом уничтожая замыслы злодеев. Но его самый хитрый враг все еще скрывался в тени. Однако Шэнь Чэн не торопился. Он методично подрезал их крылья, терпеливо ожидая, когда они окажутся в безвыходной ситуации и бросятся в отчаянную атаку. Он поклялся уничтожить эту язву, чтобы почтить память павших.

Он думал, что местом его окончательной битвы станут заснеженные горы, поэтому, когда его перевели в Северную Мьянму, он был недоволен. Но неожиданно в тропических джунглях он

столкнулся со своим заклятым врагом. Увидев, что за всем этим стоит его старый противник, который уже проник в тыл, Шэнь Чэн ощутил, как ярость и возбуждение наполнили его вены. Он больше не скрывал ненависти и убийственной ауры, даже несмотря на присутствие постороннего. Возможно, на подсознательном уровне он не считал проявление эмоций перед Павлином опасным.

Неожиданное возбуждение не давало Шэнь Чэну уснуть. Яркий лунный свет, проникавший через окно, словно выставлял напоказ его воспоминания, а эмоции продолжали бушевать. Он понимал, что ему нужно успокоиться. Его взгляд упал на Павлина. Впервые, делая с ним комнату, Шэнь Чэн заметил, что Павлин спит очень тихо. Это было неожиданно для него, привыкшего к громкому храпу своих товарищей. Обычно более крепкие люди не спят так бесшумно. В лунном свете Павлин лежал на боку, одна рука под головой, тонкое одеяло накинуто на талию, обнажая верхнюю часть тела с четкими линиями мышц. Его выразительные черты лица в свете луны отбрасывали контрастные тени, словно он был изваян из мрамора.

Шэнь Чэн спокойно смотрел на Павлина, его взгляд был пустым и прозрачным, без каких-либо эмоций. Постепенно он полностью успокоился.

Просидев так почти час, Шэнь Чэн тихо вздохнул, встал и бесшумно вышел из комнаты.

Спустя несколько секунд после его ухода Павлин открыл глаза и посмотрел на пустую кровать напротив. Через несколько минут он тоже встал и вышел из комнаты.

Найдя Шэнь Чэна, Павлин увидел, что тот сидит на камне в маленьком саду, глядя на звезды. Вся сцена напоминала картину «Обезьяна, созерцающая луну». Павлин не произнес ни слова, медленно подошел и молча встал рядом.

— Ты все еще подбираешь слова? — спросил Шэнь Чэн через несколько минут, поворачиваясь к Павлину с улыбкой.

Павлин безразлично посмотрел на него, затем резко развернулся и ушел.

Глядя на удаляющуюся фигуру Павлина, Шэнь Чэн пожалел о своей болтливости. Он знал, что Павлин не любит говорить, и такой тихий момент был, вероятно, пределом того, что он мог предложить. И Шэнь Чэн сам наслаждался этой тишиной. Ему не нужно было выговариваться, ведь те, кто не прошел через подобное, не смогут понять. Часто молчаливое присутствие ценнее бесконечных утешений. На самом деле, он был удивлен, что Павлин пришел. Он даже не подозревал, что занимает какое-то место в его сердце.

Может, Павлин действительно добрый человек! Мысль эта поразила Шэнь Чэна, вызвав легкое оцепенение, и ему даже стало немного приятно.

Но больше всего Шэнь Чэн удивился, когда через несколько минут Павлин вернулся, держа в руках две бутылки пива объемом 700 мл. Павлин коснулся бутылкой руки Шэнь Чэна, затем поставил ее рядом с ним, а сам прислонился к дереву в нескольких шагах.

— Эй, ты что, недооцениваешь мою способность пить? — настроение Шэнь Чэна мгновенно улучшилось, и он даже захотел пошутить.

— Осталось только две, — спокойно ответил Павлин.

— Держи! — Шэнь Чэн открыл бутылки голыми руками и протянул одну Павлину.

— Не люблю, — Павлин не принял бутылку.

— Не куришь, не пьешь, даже нынешние школьники не такие примерные, как ты! — Шэнь Чэн сделал глоток пива, и прохладная жидкость, стекая по горлу, развеяла душную летнюю ночь и гнетущее чувство в груди.

— Я убиваю людей, — сказал Павлин.

Шэнь Чэн на мгновение замер, затем тихо рассмеялся. Действительно, называть такого человека, как Павлин, примерным, было абсурдно. Если бы Павлин сам не сказал, Шэнь Чэн почти забыл бы, что на его счету десятки жизней. Хотя те, кто погиб от его руки, заслуживали своей участи, по законам Китая некоторые из них не заслуживали смерти. Но в хаосе Северной Мьянмы законом выживания было насилие против насилия.

— Убивай, если нужно. Мы убиваем, чтобы защитить больше невинных людей, — Шэнь Чэн невольно использовал слово «мы».

Павлин не ответил. Он не считал себя таким благородным, как описал Шэнь Чэн. Он не убивал невинных, просто избавлялся от тех, кто сам шел на смерть. Он защищал только свои интересы, а Шэнь Чэн и его товарищи защищали незнакомых людей, движимые верой. На этом уровне Павлин уважал их, но в личных отношениях ему было немного неловко испытывать такое чувство к Шэнь Чэну, потому что тот иногда был слишком легкомысленным.

Две бутылки пива Шэнь Чэн пил медленно, почти полчаса. Павлин все это время молча стоял рядом, слушая, как Шэнь Чэн говорит то одно, то другое. Ему, казалось, было все равно, отвечают ему или нет. Ему просто нужно было знать, что кто-то рядом.

Когда они вернулись в комнату, было уже почти час ночи. Войдя внутрь, они с досадой обнаружили, что, поскольку Павлин не полностью закрыл дверь, а в коридоре горел маленький свет, комната превратилась в рай для комаров.

<http://bllate.org/book/16842/1549455>